

Разным людям — разные школы: судьба всеобщего, одинакового и качественного образования

Рецензия на книгу: А. Любжин «Сумерки всеобуча. Школа для всех и ни для кого»

Г. Ю. Любарский

Любарский Георгий Юрьевич

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского Зоологического музея МГУ. Адрес: 125009, Москва, ул. Большая Никитская, 2. E-mail: lgeorgy@yandex.ru

Аннотация. Унаследованное от советской школы образование постепенно угасает. Скорее всего, вдохнуть в него новую жизнь не получится. Изменилось общество, изменились цели образования, и рациональное обсуждение возможных целей встречается редко. В изменившихся условиях можно было бы пожелать диверсифи-

кации образования. С тем чтобы каждый мог рассчитывать на то, что он хочет получить: кто хочет учиться легко, не прилагая усилий, имеет такую возможность, кто хочет получить настоящее образование, заплатив тяжким трудом, тоже может надеяться на результат. Но, к сожалению, пока образование остается униформным и окно возможностей не расширяется.

Ключевые слова: всеобщее образование, элитное образование, советская система образования, гимназии, образовательные реформы.

DOI: 10.17323/1814-9545-2018-1-247-256

Статья поступила в редакцию в феврале 2018 г.

Книга состоит из статей, в разное время опубликованных автором в нескольких изданиях¹, а также в нее включены интервью и некоторые тексты из Живого журнала (Livejournal). Уже поэтому книга «широкая», в ней есть рассуждения на очень разные темы. В целом это книга о проблемах образования, о современной школе. Автор — филолог, и потому много говорит именно о гуманитарной составляющей образования, впрочем, дале-

¹ В «Русском журнале», «Лицейском и гимназическом образовании», «Вопросах образования», «Отечественных записках».

Любжин А. Сумерки всеобуча. Школа для всех и ни для кого. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 496 с.

ко не только о ней. Перу автора принадлежит фундаментальный труд «История русской школы императорской эпохи», так что он профессионально знает устройство классической русской школы, а не питается мифами.

Прежде всего хотелось бы сказать, что книгу читать приятно. Даже не из-за темы, не из интереса к образованию. Дело в другом. Последние десятилетия редко удается поговорить с достойным собеседником. Я вовсе не собираюсь оскорбить всех своих собеседников разом, не говорю «никогда» — редко... Хороший разговор исключает эмоциональное напряжение и опасения, что собеседник вот-вот сорвется и начнет кусаться и оскорблять. Это в хорошем разговоре вообще исключено — увы, многие вроде бы неглупые люди такой безопасности предоставить не могут. Далее, хороший разговор — это когда я чувствую себя свободно, собеседник меня не давит. Это совершенно иное, чем согласие: автор славится радикализмом взглядов, расходится со мной по множеству позиций, однако, пока я читаю его тексты, это остается совершенно в стороне. Он умеет писать, не придавливая собеседника: я могу мысленно отмечать несогласия, ничуть не теряя интереса к беседе.

И наконец, про саму беседу. Существует множество людей, готовых выстроить ряд аргументов бесконечной длины. Я бы не назвал унылый просмотр этого ряда беседой, это — каторга, а не разговор. Если люди не находятся на высоте вопроса, если их не хватает даже на то, чтобы понять, что им тема не по уровню, — ну какая может быть беседа! Какие могут быть аргументы у человека, который не понимает ни вопроса, ни тех обстоятельств, которые следует учитывать при ответе?

С автором книги о всеобщем ситуация обратная. Он прекрасно владеет темой, он может высказаться настолько определенно, что мне, собственно, для беседы хватает книги. Видно уровень — и я понимаю, что бы он ответил на мои возможные аргументы. Я представляю, что вот эта моя реплика не пройдет: у него иные эстетические вкусы, так что «на красоту» его не взять. Вот этот аргумент заставит его задуматься и переспросить: «А правда ли так?» — нет, я и сам не уверен до самого конца, хотя и считаю правдоподобным.

Итак, это собрание уже опубликованных статей по вопросам школьного образования. Это очень увлекательная книга, с которой можно прекрасно провести несколько дней, даже если совсем не интересуешься вопросами школьного образования. Видите ли, даже и до всего, что случилось, в России было очень мало людей такого уровня образования и владения предметом... Их было мало даже и сто лет назад, а уж теперь, после стольких смертей и эмиграций, их совсем мало. Вы, если повезет, можете встретить образованного энтузиаста, который будет, захлебываясь, расстреливать вас очередями фактов и ссылок,

вы можете отыскать маргинала, который выдаст оригинальную точку зрения, которую, если отмыть от мата, можно даже и немного подумать. В общем, если не страшно испачкаться и есть средства личной гигиены, поговорить еще есть с кем. Но вот это блаженное, описанное в старых английских романах чувство, когда можно спокойно в кресле вытянуть ноги и с удовольствием читать книгу, внимая просвещенному автору... Автору можно доверять: он знает, что говорит, он строит речь так, что речь становится искусством, он старомоден, доброжелателен, смел и умен. Мне приятно беседовать с этой книгой.

Что до несогласий, они все уже умерли. Битва красных и белых характерна тем, что есть у них сыновья и потомки, есть истинные и фальшивые подражатели, реконструкторы и паяцы, а вот их самих нет — вы знаете, все умерли.

С российским образованием ситуация именно такова. Автор это понимает. Он предлагает проекты, не забывая оговорить: ну конечно, это совершенно нереалистично, ну где взять людей на это, под такие проекты надо другую страну с другими людьми, к чему притворяться — ну конечно, ничего этого сделано не будет. У меня есть свои мысли о проектах, но я, разумеется, соглашаюсь: это только эскизы возможных миров, ничего подобного сделано не будет, а если найдутся мужественные люди и попробуют (да и уже...) — конечно, эти попытки не смогут развернуть ситуацию.

Российское образование — это неререформируемый социальный институт, вместе с российским здравоохранением, армией, социальным обеспечением и еще другими, не столь громкими. Эти социальные институты остались от общества, которого больше нет, оно разрушено, и по устройству своему они не могут быть встроены в современное общество. Немного смысла спорить, чем они были хороши, и с горечью вспоминать, сколько в них было мерзости, — они уже умерли. Если в душе нет потребности мучить раненых кошек, можно не способствовать смерти российского образования, оно и само тихо кончается. Никакого взрыва и коллапса не будет. Как справедливо говорит автор, будет что-то вроде образования в странах на месте центрально-азиатских республик. По названию — школа, там дети сидят, вроде учатся, ну что такого.

И с тем не спорю, как автор мыслит возможное преодоление ситуации индивидуальными усилиями. Если у кого-то в самом деле очень, очень много денег, есть собственный ум и любовь к своим детям — конечно, домашнее воспитание. Учителя тщательно отбираются из преподавателей университета, а чтобы не было неприятного эффекта одинокого ученика — оплатить такое образование группе друзей. У себя на дому, небольшая группа друзей, с покупкой всех документов в школе — всех этих свидетельств и дипломов: это будет уж точно не самой большой

тратой при таком раскладе. Скольких людей может касаться такое предложение? В социальном смысле можно считать, что их нет. То, что играет роль элит, будет посылать своих отпрысков за МБА в нужные страны, они будут оставаться там или возвращаться и гордиться достигнутым, а что в тех странах преподаватели от них несколько постонут — ну так это не наши проблемы.

Итак, книга направлена против идеала всеобща, унифицированного всеобщего одинакового образования. Автор приводит многочисленные аргументы, позволяющие понять, почему советскую школу нельзя считать продолжением организационных форм школы Империи, каков ее относительный уровень... И, разумеется, есть множество людей, которые совершенно с автором не согласны. Так что книга обречена на острое критическое неприятие. Можно проследживать длинную и горькую историю: становление образования в Российской империи, появление новых «левых» теоретиков, послереволюционные эксперименты, создание школы на основании новых принципов, достоинства и недостатки этой системы... Можно спорить, указывать на балет и космос, не верить оппоненту... Много чего можно.

То образование не вернется никогда. Советское образование было сделано для массового индустриального общества. Дело не в том, что оно было для него самым подходящим — нет, но в любом случае с исчезновением массового общества последние возможности вменяемого существования советской школы исчезли. Остался реликтовый социальный институт, существующий, потому что пока не заменен. Нелогичный, не относящийся к окружающему обществу, бессмысленный, нефункциональный.

С советских времен общество фундаментальным образом изменилось, его называют «постиндустриальным». Для школы это означает очень существенные перемены. Скажем, образование в Империи было разнообразным и приуроченным к разнообразию сословий. Можно назвать самые известные типы среднего образования в Империи: классическая гимназия, реальное училище, кадетский корпус, духовная семинария, коммерческое училище.

Образование в СССР было (в общих чертах) одинаковым для всех. Типы школ сословного общества отличаются от унифицированных школ массового общества. И наличие сети «особых» физматшкол принципиально ситуацию не меняло. Из этой однородности вытекало множество следствий, которые кажутся необходимым свойством культуры. Ну, хотя бы один пример: классика.

Классика возникает, когда «все» в школе учат один принятый образцовым ряд литераторов. Тогда можно говорить, что каждый образованный человек обязан знать то-то и то-то, то-

гда можно цитировать с детства знакомые строки в уверенности, что любой собеседник поймет и подхватит, можно строить объяснения и аргументы, апеллируя к примерам из классической литературы.

Но все это не работает, когда общество устроено иначе. Современный мир не является миром однородного в каком-либо смысле большинства, которое имеет сходные цели, интересы, получает сходное образование и поэтому «знает классику». Современный социальный мир — это «мир меньшинств», т. е. относительно небольших групп с самыми разными интересами. И по этой причине для них нет общей обязательной классики. Для каждой группки есть своя линейка классики, причем они не соподчинены какой-то общей группе классиков, это диффузная сеть. Все способы апелляции к авторитету «всем известных» авторов проваливаются: это не находит обоснования в социальной жизни и потому не может быть насильственно вбито школой. Сейчас классику надо насильственно вбивать, что делает само понятие совершенно искусственным. Это уже не набор высших культурных образцов, а пыточный инструмент, вбиваемый для выедания мозга людям, которые этим совершенно не интересуются. То есть классика теперь стала тем, чем в советское время была пропаганда — внешним навязыванием безжизненных идей.

Изменилось не только понятие классики. Места не хватит даже для перечисления, сколько «безусловных» культурных реалий поставлены под сомнение социальным переворотом, который произошел во всем мире. Индустриальное общество рассыпается, его институты разлагаются и теряют опору, но, к сожалению, их ничем заменить — новых не придумано.

Спор со сторонниками советского всеобуча, объяснения, что такое постиндустриальное общество, почему уже никогда не получится, как получалось раньше, — это очень длинный и трудный разговор. Но мне интереснее иное: что же следует делать в этом отношении. К сожалению, нет ни согласия, ни даже просто понимания по самым фундаментальным вопросам.

До сих пор не осознано, что школы, по сути, не одинаковые учреждения, где «детишек учат знаниям», пусть в одних на два урока больше труда, а в других — уроки балетных танцев. Это совершенно не так. Система школ зависит от социального устройства общества. Разные цели образования предполагают разные наборы предметов, радикально разные. Причем сейчас, поскольку в стране, 30 лет назад бывшей «обществом равных и тех, кто равней», идут интенсивные процессы образования словесий, необходимое разнообразие школ, программ, средств обучения много выше, чем можно было представить в прежнее время. В обществе отсутствующего большинства и активных меньшинств, выделенных по самым разным основаниям и принципиально не сводимых в одну линейку, в обществе аг-

рессивных кланов и рождающихся сословий немислимо продолжение прежнего образования. Надо делать новое, но этому мешает как убежденность, что «прежде все было хорошо и надо продолжить», так и убеждение, что школы должны быть одинаковыми, — при этом цели обучения у диспутирующих кардинально различны.

Просматривая дискуссии, можно выделить более десятка несовместимых целей образования. Например, есть мнение, что школа — источник знаний, и надо заполнить ребенка знаниями современных наук. Или: надо обучать умению мыслить, критическому мышлению, учить ставить фильтры на поступающую информацию. Или: воспитывать хороших граждан, патриотов своей страны. Эти цели не могут осуществляться в рамках одной программы. У каждой цели есть сторонники, и каждая группа убеждена, не слушая других, что никаких других целей у образования и быть не может, а те, кто думает иначе, просто дураки. Выход тут единственный: дать возможность разным группам обучать детей в школах разного типа, устроенных принципиально различно.

Уже в подзаголовке книги дан ответ: всеобуч — школа для всех и ни для кого. Можно спорить, был ли всеобуч иным в индустриальном обществе СССР, но сейчас общество не такое, сейчас то, что пытается дать школа, не нужно совсем никому, никому из учеников и никому из учителей. Остается только каркас принуждения к минимальной дисциплине и растущая бюрократизация.

При любом сколько-нибудь осознанном подходе к устройству школы следует признать, что типов школ должно быть несколько. Это означает, что у них принципиально разные цели, программы и их выпускники ни в коем случае не равны. Среднее образование, пригодное для дальнейшего поступления в хороший университет, — это совсем не то образование, где человек, не слишком напрягаясь, получает необходимый минимум востребованных в обществе знаний, чтобы безбедно работать в профессиях, не требующих глубокой специализации. Каждая цель предполагает свою линейку предметов. А школьный день не резиновый, и как только речь заходит о разных предметах, становится ясно, что у кого-то чего-то не будет. Причем «два урока в год» для астрономии или иного какого неудачливого предмета — это нонсенс, правильнее вообще убрать такие огрызки.

Тем более что современный человек знания берет далеко не только из школы. Панический страх «недодать» знаний в школе возник в те времена, когда книги были дороги и мало доступны. Сейчас ситуация совершенно иная: одним из основных каналов получения знаний о мире являются медиа, и особенно новостные программы. На том же уровне, на котором

будет усвоено что-то унылое за два урока в школе, это же будет усвоено из двух предложений в новостях с иллюстрирующим видео. Да, это очень плохие по качеству знания. Ну так они и в школе получаются такие же плохие, когда никому не нужны и внедряются насильно, причем насилие не имеет средств и направлено на немотивированных учеников. Получаются сплошные попытки с недостаточными средствами.

Итак, к массовому обществу, которому (допустим) нужны были одинаковые школы, возврата нет. В нашей стране не существует элиты, которая отличалась бы культурным уровнем, поэтому «элитные» заведения — это по большей части профанация, по крайней мере если речь идет об особенно глубоких знаниях. Как место знакомств и социализации — другой вопрос. В стране, в общем, не существует коммерческого спроса на образованных профессионалов, так что делать школу, которая готовит замечательных ученых, глубоко образованных учителей и т. п., нет смысла, им будут платить зарплату уборщицы. В такой ситуации незачем придумывать цели, на которые нет спроса, и все, что требуется, — не мешать создавать разнообразие школ тем, кто этим готов заниматься. Например, снять требования единой программы, исключить бюрократизацию...

В итоге должна получиться примерно такая картина. Будут школы для тех, кто хочет учиться легко. Это подразумевает низкое качество обучения и спектр профессий, не требующих глубокой специализации. В университет после такой школы не попасть. Соответственно, есть общая линейка требований к школам, которые претендуют на то, чтобы работать в этом сегменте — что-то вроде «общих (народных)» школ. Будут школы для «элиты», иначе говоря, для тех, кто богат и у власти. С особым комфортом, вниманием, поставленной медицинской заботой о детях, но не слишком «углубленные», потому что спроса на знания у элиты нет. Будут редкие школы, подобные спецшколам для особенно одаренных детей, ориентированные на поступление в университет. Школы военные, возможно, разного профиля.

У каждого типа школ своя программа, которую можно изменять в широких пределах, государство скорее работает через сертифицирование школ, чем через навязывание программ. Люди, имеющие разные цели (знания, умелое мышление, патриотическое воспитание, духовное воспитание и т. п.), могут взаимодействовать со школами, которые им подходят.

Что же этому мешает? Да, в общем, пустяки. Государство не желает терять контроль над образованием. Общество не желает думать об образовании и не готово понимать, что немислимо образование, которое за конечное число лет могло бы достигать взаимоисключающих целей. Поэтому вместо делового обсуждения, какие типы школ нужны, чего не хватает, какими

должны быть конкретные программы и т. п., длится бесконечный скандал.

Обсуждаемая книга «Сумерки всеобуча» могла бы быть полезна спорящим, чтобы проверить свои аргументы, разобраться в том, например, что некоторые соглашения невозможны и спорить не о чем, надо делать разные школы. И хорошо бы осознать ту тень, которая стоит за всеми разговорами о современной школе: по сути, все согласны на наследственное неравенство. С разной аргументацией и с разной степенью легкости спорщикам приходится признать: общество дифференцируется, создание нескольких типов образования — единственный возможный выход, и он означает согласие на закрепленное общественное неравенство.

Вместо пустых криков «как же без физики» и «не позволим без родной литературы» надо бы подумать о действительно важных вещах. Надо спланировать систему школ таким образом, чтобы люди имели возможность сменить школу, чтобы не закрылись наглухо социальные лифты, следует продумать варианты переходов между разными типами учебных заведений. Однако до таких обсуждений нам, видимо, еще далеко.

Реформы должны быть направлены на увеличение разнообразия типов образования, что влечет за собой отмену всеобщих обязательных программ, отмену экзаменов как стандартной проверки, исчезновение уверенности, что все выпускники знают одно и то же, распадение единого стандарта культуры, который и так... Для всех этих действий нужно другое государство, которое бы не стремилось бюрократизировать и контролировать то, что понять не может, нужна другая элита, которая ощущала бы себя ответственной за происходящее, а значит, другой народ, от которого исходит эта элита, нужны учителя, которых нет... При том, что большинство населения с автором не согласны, это были бы еще и реформы образования, проводимые против желания населения. В общем, нет смысла ожидать осуществления мечты. Надежд на такие реформы нет. Но почему бы не поговорить о том, какими они должны были бы быть, если бы мы хотели иметь нормальное образование?

Так что это собрание статей о реформах школы, которые провести (почти) невозможно, для которых (почти) нет учителей и иных подготовленных кадров, (почти) нет заказчиков среди богатых людей и нет одобрения народа. Автор это прекрасно осознает. При этом автор считает, что талантливых, умных учеников в этом поколении рождается ничуть не меньше, чем в прежние поколения, что в России есть крайне талантливые педагоги (там пальцев одной руки хватит, но есть). И автор не собирается всех пугать и устраивать истерику. Все идет так, как и должно происходить в соответствии с социальными условиями и желаниями больших масс людей. Почему я и говорю, что читать эту кни-

гу крайне приятно — как приятно спокойно поговорить с умным человеком. Ну конечно, ничем хорошим эта история не закончится. Но вы ведь в этом и не сомневаетесь, не так ли?

Полагаю, что никакое образование не может быть одновременно всеобщим, одинаковым и качественным, особенно в нашу социальную эпоху, когда исчезает массовое общество.

Different Schools to Different People: The Future of Universal, Uniform and Quality Education

Review of the book: Lyubzhin A. Sumerki vseobucha. Shkola dlya vsekh i ni dlya kogo [The Twilight of Universal Education. School for All and for Nobody]

Author **Georgy Lyubarsky**

Candidate of Sciences in Biology, senior researcher, Zoological Museum of Moscow University. Address: 2 Bolshaya Nikitskaya Str., 125009 Moscow, Russian Federation. E-mail: lgeorgy@yandex.ru

Abstract Education practices inherited from the Soviet school are fading away and will hardly be inspired with new life. Society has changed, and so have the education goals, which rarely become the subject of rational discussion nowadays. As a response to these new conditions, it would be good to see diversification of the education system, so that everyone could get what they want, whether it be effortless learning or real education obtained through hard work. Today, unfortunately, education remains uniform and the window of opportunities is not growing larger.

Keywords universal education, high-end education, Soviet educational system, gymnasium, education reforms.